

Е Цзыси осторожно поправил одеяло, коснулся шрама на щеке, где последний кусочек струпа уже отпал, оставив лишь слабый след, который скоро исчезнет. Но мелкие раны, начинающиеся с плеча и покрывающие все тело, заставляли его сердце сжиматься.

Он вышел, тихо закрыл за собой дверь и увидел, что перед ним на коленях стоит целая толпа людей. Ему стало смешно.

Смотрите, старшие члены ордена стоят в стороне, с безразличными лицами, видимо, зная, что он не посмеет сделать с ними ничего серьезного.

— Кто расскажет мне, что здесь произошло?

Е Цзыси лениво произнес. Его голос был спокоен, и он сел с привычной грацией, не давая понять, что чувствует.

Его легкий тон звучал так, будто он спрашивал о чем-то совершенно обыденном.

Дети внизу переглянулись, толкая друг друга локтями, пока не выдвинули вперед самого старшего, лет четырнадцати-пятнадцати, уже почти подростка, который встал на колени и поклонился Е Цзыси, хотя в его жестах не было уважения.

Его звали Фан Цин, он был единственным сыном второго старшего члена ордена Фан Цюаня, избалованным и привыкшим быть лидером среди детей.

— Докладываю патриарху, мы вообще не вступали в конфликт с Е Юнем. Он маленький и молчаливый, все его жалеют. Но сегодня, когда наставник Линь велел нам тренироваться в боях, я победил его, и он, затаив злобу, схватил длинный меч со стойки и начал гнаться за мной, ранив нескольких учеников, которые пытались его остановить.

Фан Цин закатал рукав, и на его предплечье была видна длинная кровавая рана, неглубокая, но выглядывшая устрашающе, с немного вывернутой кожей. Лицо второго старшего члена ордена стало еще мрачнее.

Он также закатал рукав другого мальчика, показав еще один след от удара мечом.

— Видите, Е Юнь преследовал нас, и мы побежали, чтобы избежать края обрыва, но он не смог остановиться и упал. Мы не смогли его поймать, и это наша вина. Мы заслуживаем наказания, просим патриарха решить!

Фан Цин говорил слова извинения, но в его глазах была явная радость. Теперь жертва выглядела как избалованный, безрассудный сумасшедший, злоупотребляющий своим положением и не ценящий жизни.

Если Е Цзыси хотел сохранить свой пост, он должен был проявить справедливость, иначе мог потерять доверие подчиненных.

Е Цзыси взглянул на Фан Цюаня, стоявшего рядом. Это был мужчина лет сорока, с обычной внешностью, но с внушительной осанкой. Он смотрел на эту сцену с высокомерным взглядом, явно не принадлежа к его фракции.

— Хм, действительно, нужно наказать, — Е Цзыси произнес с легкой насмешкой. — А где меч?

Кто-то быстро подал окровавленный меч, обычный тренировочный клинок, не слишком острый,

с темными пятнами крови, что делало его вещественным доказательством.

Он легко бросил меч, и тот пролетел мимо Фан Цина, вонзившись в пол перед лицом одного из детей. Рукоять еще дрожала, и мальчик в ужасе втянул голову в плечи.

— Но если это было преследование, то, как я вижу, раны слишком поверхностны. Сейчас Сяо Юнь спит, и я не могу его спросить. Поэтому ты, — он указал на мальчика, — сделай то же самое. Догони его и нанеси удар, только будь осторожен с силой, ведь ты уже получил один удар.

Эти слова вызвали полную тишину в зале. Все смотрели на него с шоком, но Е Цыси продолжал невозмутимо:

— Если рана будет такой же глубины, значит, мой ученик действительно хотел навредить, и его нужно наказать. Но если нет...

— Тогда ты узнаешь, каково это — обманывать патриарха!

Лицо Фан Цина стало багровым. Он хотел громко возразить против этой нелепой идеи, но не осмелился. Фан Цюань холодно произнес:

— Патриарх, это неправильно. Вы хотите защитить своего ученика?

— Защитить?

Е Цыси наклонил голову, улыбаясь.

— Что тут защищать? Я знаю своего ученика. Если бы он хотел кого-то ранить, рана была бы глубже. Его рука, возможно, уже была бы отрезана. Но если это не он, тогда ваш сын, второй старший член ордена, явно не уважает меня как патриарха...

— Нет... нет! Я просто успел уклониться, поэтому рана такая поверхностная. Он действительно хотел отрезать мне руку!

Фан Цин не выдержал и крикнул, но, увидев едва заметную улыбку на лице Е Цыси, замолчал.

У него появилось плохое предчувствие...

— Поэтому я и говорю: пусть он тоже попытается. Ты можешь уклониться, покажи мне, как ты это делаешь. Если боишься боли, пусть правый защитник Хань Фэн осмотрит рану. Разницу в глубине будет легко определить...

Плохо!

Фан Цин почувствовал, как сердце упало. Все предыдущие слова были лишь болтовней, настоящая проверка — это осмотр раны!

Разницу между раной, нанесенной самим собой, и раной от преследования легко увидеть. Проклятье!

— Я... я...

Фан Цин замялся, умоляюще глядя на отца.

Фан Цюань поднял глаза, в них уже был холод.

— Мой сын уже пострадал, и ваши действия, патриарх, лишь вызывают у меня разочарование!

— Разочарование?

Е Цзыси сжал губы, и его насмешливая улыбка исчезла.

— Е Юнь — мой ученик, и конфликт с ним — это уже нарушение субординации. Кроме того, эти раны больше похожи на то, что их нанесли сами, чтобы обвинить Сяо Юня. Если хотите доказать свою невиновность, нанесите еще один удар. Или пусть правый защитник осмотрит раны. Иначе... вам, второй старший член ордена, придется мне объясниться. Или я, как патриарх, уже не имею для вас никакого значения?

Эти слова заставили Фан Цюаня замолчать. Он начал взвешивать свои варианты.

Е Цзыси был молод, но его позиция была прочной, и открыто ссориться с ним было неразумно.

Что касается осмотра раны, он знал своего сына. Но он не ожидал, что это вызовет такой переполох. Действительно, ни на что не годный!

После долгого раздумья он наконец склонился, полуприсев, и с трудом произнес:

— Я плохо воспитал сына, и он по неосторожности ранил юного господина. Пожалуйста... накажите меня...

Последние слова звучали так, будто он вырывал их из себя, скрипя зубами.

— За ошибки сына отвечает отец. Второй старший член ордена Фан Цюань, вы плохо воспитали своего сына, но, учитывая ваши заслуги, отправляйтесь в Зал наказаний и получите шестьдесят ударов плетью. Что касается Фан Цина, — Е Цзыси холодно посмотрел на подростка, который наконец испугался, опустив голову. — отправьте его в Зал размышлений об ошибках. Пусть стоит на коленях, пока Сяо Юнь не проснется.

Наказание было не слишком суровым. По прежним меркам Е Цзыси мог бы просто приказать казнить их. Поэтому Фан Цюань и Фан Цин вздохнули с облегчением, но их гордость была унижена.

Хань Фэн, улыбаясь, с добродушным видом сказал:

— Пожалуйста, второй старший член ордена, не волнуйтесь. Моя плеть легкая, и я умею наносить удары так, чтобы не причинять сильной боли.

Но на самом деле он использовал плеть с мелкими зазубринами, и, как говорят, после этого наказания гордый второй старший член ордена пролежал в постели две недели.

Е Цзыси намочил полотенце и приложил его к лицу ребенка, пылающему от жара. Глядя на его худое лицо, он почувствовал досаду.

Когда он подобрал этого мальчика, то почувствовал странное чувство ответственности, как хозяин, который подбирает бездомных кошек или собак. Не было особых чувств, лишь мимолетное желание помочь. Но он не был готов взять на себя настоящую заботу.

С этим ребенком было то же самое. Он думал, что, дав ему кров, еду и статус, он уже сделал

достаточно. Но он не подумал, как страшно и одиноко должно быть мальчику, потерявшему память, неспособному говорить, оказавшемуся в незнакомом месте.

<http://bllate.org/book/17706/1653942>